

и самоизменения субъекта. Человек познает действительность, чтобы преобразовать ее, подняться над ней, обрести свободу. Можно сказать, что объективно-истинное знание несет в себе прогрессивное содержание, ибо оно в конечном счете служит объективному ходу истории, расширяет свободу исторического действия людей, их господство над природой и над самими собой. В известном смысле и отношении знание есть бытие свободы, а свобода, согласно И.Фихте, есть абсолютная субъективность. Кантовское понятие свободы как способности ставить любые цели вообще предполагает подчинение свободы закону долженствования, причем моральный закон есть императив, который повелевает категорически. Интенцией научного разума в этом плане является свобода творчества. Она предполагает ответственность и неотделима от продуктивной критики существующего, которая и ведет к научным открытиям. Интеллектуальная свободы — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная субъективная ценность научного разума.

Как и познавательные отношения научного разума, его исходные абсолютные ценности системно связаны деятельностью субъекта. Будучи культурно-историческими идеалами научной деятельности, абсолютная истина, всеобщее благо и интеллектуальная свобода призваны служить образом образов, целью целей и мотивом мотивов человеческой деятельности. Они обуславливают друг друга, детерминируя деятельность субъекта науки объективно-интерсубъективно-

субъективно: истина измеряется благом, а благо реализуется благодаря истине; истина освобождает, а свобода ведет к истине. Эта системная детерминация имеет трансисторический характер, приобретая конкретно-историческую форму в традиционном, индустриальном и информационном обществе. В современной науке восхождение к абсолютной истине, воплощенной в научной картине мира, направлено на постижение статистической гармонии мира, коэволюции человека и природы; осуществление всеобщего блага, адекватно выражающего интересы всех, выступает как сохранение жизни на земном шаре; интеллектуальная свобода ученого должна быть гуманистически ответственным свободомыслием, решительно исключающим всякую лженауку. У входа в науку, как и у входа в ад, — писал К.Маркс — должно быть выставлено требование: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета».⁵

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

² См.: Кузнецов Б.Г. Ценность познания. М., 1975; Наука и ценности. Новосибирск, 1987; Лойфман И.Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987; Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М., 1990.

³ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С. 155

⁴ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 187.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 9.

переводы

Перевод С.Е. Вершинина

О. Шпенглер. «ГОДЫ РЕШЕНИЯ»

Предисловие переводчика

Работа О. Шпенглера «Годы решения» («Jahre der Entscheidung») появилась в Германии в продаже в августе 1933 г. Это был переработанный доклад, сделанный автором еще в 1930 г. в Гамбурге под названием «Германия в опасности». Поначалу хорошо воспринятая нацистами (Шпенглеру пришлось специально написать предисловие, чтобы книгу выпустили в печать), она вскоре была подвергнута критике, а имя автора перестали упоминать в периодической прессе. Ведь Шпенглер ни разу не упомянул имя Гитлера, а победу нацистов оценил вообще невысоко — «не было настоящего противника». Зато тут же эта книга вышла в США, Франции, Англии и Италии.

Основная идея работы заключена уже в названии доклада. Шпенглер дает острую критику политической и хозяйственной ситуации в Германии и в мире, призывает к политической ответственности мировых держав. Однако его сверхзадача — это поиск национальной немецкой идеи и немецкой идентичности, что может быть любопытно современному русскому читателю. Шпенглер обрушивается на европейский либерализм, обнаруживая в нем корни русского большевизма, противопоставляет этим двум, с консервативных позиций, идеал пруссачества (понимаемого не географически, а идеологически). Он рассматривает два вида мировых революций

— «белую» и «цветную», подчеркивая окончание первой и развертывание второй. Особый интерес представляют рассуждения немецкого мыслителя об исчезновении «европейского» общества в России после большевистской революции 1917 г. и замене его на «азиатское». При этом, парадоксальным образом, оценки Шпенглера ситуации в России и мире в начале 1930-х гг. оказываются актуальными в современных условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом.

Ниже приводятся некоторые выдержки из книги, полный перевод которой выйдет в свет в издательстве «У-Фактория» в 2005 г.

С.Е.Вершинин.

«В... «межвременную» эпоху перехода, бесформенности, которая, вероятно, еще не достигла апогея беспорядка и текучих образований, совсем

тихо обозначаются новые тенденции, указывающие на далекое будущее. Начинают формироваться державы, по своей форме и положению предначиненные вести борьбу до конца за господство на этой планете, из которых только одну можно назвать *Imperium mundi* и она будет такой, если только ужасная судьба не уничтожит ее прежде расцвета. Нации нового вида следует понимать не так, как они являются сегодня — суммами равноупорядоченных индивидов с одним и тем же языком, а также не так, какими они были прежде, когда во времена Ренессанса картина, битва, лицо, мысль, способ морального поведения и мнения узнавались с определенностью по их стилю и душе как итальянские, хотя итальянского государства не существовало. Фаустовские нации конца XX века будут избирательным сродством людей с одинаковым чувством жизни, с одинаковым императивом сильной воли, само собой, с одним языком — без того, чтобы знание этого языка характеризовало или отделяло их, людей сильной расы, не в смысле сегодняшней расовой веры, а в моем смысле, подразумевающем сильные инстинкты. Этот смысл включает и превосходство взгляда людей, родившихся господами и чувствующих себя призванными действовать именно так, превосходство взгляда на вещи действительности, который сегодня в крупных городах и среди бумажных писак не умеют отличить от «духа» простого интеллекта. А как быть с числом? Число тиранило только прошлое столетие, стоявшее на коленях перед количеством. Один человек значит много против массы рабских душ, от пацифистов и улучшателей мира, стремящихся к покою любой ценой, даже ценой «свободы»...

Кажется, что Западная Европа потеряла свое определяющее значение, но, отвлекаясь от политики, это только так кажется. Идея фаустовской культуры выросла здесь. Здесь ее корни и здесь она одержит последнюю победу в своей истории или быстро погибнет. Решения, пусть даже они и не осуществляются, совершаются ради Европы, ради ее души, а не из-за денег или счастья. Но тем временем власть переместилась на периферию, в Азию и Америку. В первой — это власть над самой большой массой земного шара внутри одной страны, во второй — в Соединенных Штатах и английских доминионах — над обоими, связанными Панамским каналом, всемирно-историческими океанами. Между тем, ни одна из мировых держав этих дней не столь прочна, для того, чтобы о ней можно было с уверенностью сказать, что через 100, 50 лет она еще будет державой и даже вообще будет существовать.

Что такое сегодня держава большого стиля? Это государственное или аналогичное государственному образование, с руководством, имеющим всемирно-политические цели и, вероятно, также и силу, чтобы достичь их, все равно на какие средства оно опирается: армию, флоты, политические организации, кредиты, мощные банковские или промышленные группы с одинаковыми интересами, наконец и прежде всего, сильная стратегическая позиция на земном шаре. Все они могут быть обозначены именами миллионных городов, в которых

собраны власть и дух этой власти. По отношению к ним целые страны и народы являются не чем иным, как «провинцией».

Это, прежде всего, «Москва», таинственная, полностью непредсказуемая для европейского мышления и чувства, решающий фактор для Европы с 1812 г., когда она — еще как государство — принадлежала к последней, а с 1917 г. для всего мира. Победа большевиков означает исторически нечто совсем иное, чем социально-политическую или хозяйственно-теоретическую победу. Азия обратно завоевывает Россию, после того, как «Европа» аннексировала эту страну через Петра I. Понятие Европы исчезает тем самым снова из практического мышления политиков или должно было бы это сделать, если бы мы имели политиков высокого ранга. Эта «Азия», однако, есть идея, а именно, идея, имеющая будущее. Раса, язык, народ, религия в сегодняшних формах бессильны в сравнении с ней. Все они могут и будут кардинально преобразованы. Что сегодня есть, так это лишь новый вид жизни, не определяемый в словах, сам себя не осознающий, беременный большим ландшафтом, находящийся на пути к рождению. Определять будущее, рассчитать его, хотеть внести в программу, означает путать жизнь с фразой о ней — так, как это делает господствующий большевизм, недостаточно осознающий свое западноевропейское, рационалистическое и городское происхождение.

Население этой огромной части суши неприступно извне. Протяженность — это такая политическая и военная сила, которая еще никогда не была преодолена; это испытал уже Наполеон. Что это даст какому-либо противнику, если он займет такие большие области? Чтобы сделать такие попытки неэффективными, большевики сдвигали центр своей системы все дальше на Восток. Важные для политической власти промышленные области лежат в целом восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала до Алтая и южнее вплоть до Кавказа. Целая область западнее Москвы, Белоруссия, Украина, в царской империи когда-то самая жизненно важная от Риги до Одессы, образует сегодня фантастический гласис против «Европы» и может быть сдана — без того, что система рухнет. Но тем самым любая мысль о наступлении с Запада стала бессмысленной. Она натолкнется на пустое пространство. Эта большевистская власть не является государством в нашем смысле, каким была петровская Русь. Она состоит, как империя «Золотой Орды» в монгольское время, из правящей орды, называемой коммунистической партией, с главарями и всемогущим ханом и почти в сто раз большей, угнетенной, безоружной массой. От настоящего марксизма, кроме названий и программ, здесь осталось очень мало. В действительности существует татарский абсолютизм, подстрекающий и использующий в своих целях весь мир, не обращая внимания на границы, будь то даже границы предосторожности, лукаво, жестоко, с убийством как повседневным средством управления, с возможностью каждое мгновение увидеть появление Чингисхана, накатывающего на Азию и Европу.

Подлинный русский в своем чувстве жизни

остался кочевником, совсем как северный китаец, манчжур и туркмен. Для него Родина — это не деревня, а бескрайняя равнина, матушка Русь. Душа этого бесконечного ландшафта побуждает его к странствованию без цели. „Воля» отсутствует. Германское же чувство жизни имеет цель, которая должна быть завоевана: далекая страна, проблема, бог, власть, слава или богатство. Крестьянские семьи, ремесленники и рабочие странствуют здесь из одной местности в другую, от фабрики к фабрике, без лишений, следуя только внутреннему напору. Никакие насильственные мероприятия Советов не могут воспрепятствовать этому, хотя делают невозможным возникновение сословия обученной и связанной с предприятием рабочей силы. Уже поэтому закончится неудачей попытка создать и сохранить хозяйство западноевропейского вида без сотрудничества с внешним миром.

Однако воспринимается ли коммунистическая программа еще серьезно, как идеал, которому пожертвованы миллионы людей и ради которого миллионы голодают и живут в нищете? Или же это только в высшей степени действенное боевое средство защиты от подчиненной массы, прежде всего крестьян и нападения на ненавистный, нерусский мир, который должен быть разложен, прежде чем он будет низвергнут. Ясно, что фактически мало что изменилось бы, когда однажды по причинам властно-политической целесообразности коммунистический принцип потерпел бы крах. Названия были бы другими; административные отрасли хозяйственных организаций назывались бы концернами, комиссии — наблюдательными советами, сами коммунисты — владельцами акций. В остальном же западно-капиталистическая форма уже давно имеется.

Однако эта власть не может вести внешних войн ни на Востоке, ни на Западе, кроме пропаганды. Для этого система с ее западноевропейски-рационалистическими чертами, ведущими свое происхождение еще из литературного подполья Петербурга, является слишком искусственной. Она не смогла бы пережить никакого поражения, как и победы: одному победоносному генералу проиграла бы вся московская бюрократия. Советская Россия была бы заменена какой-нибудь другой Россией, а правящая орда была бы, вероятно, вырезана. Но тем самым был бы преодолен большевизм марксистского стиля, а националистически-азиатское выражение было беспрепятственно до гигантских размеров.

В России в 1917 г. одновременно произошли две революции — белая и цветная. Одна — поверхностная, городская, на основе рабочего социализма с западной верой в партию и программу, совершенная литераторами, академическими пролетариями и нигилистическими еретиками типа Бакунина вместе с низами больших городов, абсолютно риторическая и литературная. Она уничтожила петровское общество, по большей части западного происхождения, и выставила на сцену шумный культ «рабочего». Машинная техника, столь чуждая русской душе и ею презираемая, стала внезапно божеством и смыслом жизни. Но при этом медленно, упорно, молчаливо, с большим будущим, началась другая революция — мужика, деревни, собственно азиатский большевизм. Его первым выражением был вечный земельный голод

крестьянина, гнавший солдат с фронта, чтобы принять участие в большом переделе земли. Рабочий социализм очень быстро распознал опасность. После первоначального союза он, используя ненависть к крестьянам всех городских партий — либеральных или социалистических — начал борьбу против этого консервативного элемента, постоянно сохранявшегося в истории всех политических, социальных и хозяйственных образований в городах. Он лишил собственности крестьян, снова фактически ввел крепостную зависимость и барщину, отмененную Александром II в 1862 г., и, посредством недоброжелательного и бюрократического управления сельским хозяйством — каждый социализм, переходящий от теории к практике, очень быстро захлебывается в бюрократии, — привел к тому, что сегодня поля снова зарастают, изобилие скота в прошлом сократилось до предела, а голод в азиатском стиле стал длительным состоянием, которое вынесет только слабовольная, рожденная для рабского существования раса.

Однако «белый» большевизм здесь быстро померк. Сохраняют только марксистское лицо для внешнего мира, чтобы развязать в Южной Азии, Африке, Америке восстание против белых властей и руководить им. Новый, азиатский слой правящих лиц сменил полузападников. Он снова живет на виллах и во дворцах вокруг Москвы, держит слуг и уже осмеливается развивать варварскую роскошь во вкусе монгольских ханов XIV в., собравших богатые трофеи. Есть «богатство» в новой форме, которое можно описать с помощью пролетарских понятий.

Произойдет возврат и к крестьянской собственности, вообще к частной собственности, что не исключает факт крепостничества и это возможно, так как армия уже обладает властью, а не гражданская «партия». Солдат — это единственное существо, которое в России не голодает, и он знает, почему и как долго. Эта власть неприступна извне вследствие географической широты России, но она сама нападает на себя. Она имеет наемников и союзников во всем мире, замаскированных так же, как она. Ее сильнейшим оружием является новая революционная, чисто азиатская, дипломатия, которая вместо того, чтобы вести переговоры, действует снизу и сверху, посредством пропаганды, убийств и восстаний. Тем самым она далеко превосходит большую дипломатию белых стран, которая еще не полностью — даже несмотря на политизированных адвокатов и журналистов — потеряла свой старый аристократический стиль, ведущий свое происхождение из Эскориала и последним великим мастером которого был Бисмарк.

Россия является господином Азии. Россия является Азией. Япония только географически принадлежит к последней. По своей «расе» она ближе к восточным малазийцам, полинезийцам и некоторым индейским народам западной стороны Америки. Но она является в океане тем, чем Россия является на суше: господином обширной области, в которой европейские государства уже не имеют никакого значения. Англия даже отдаленно не является господином в такой же степени в «своей» империи, не говоря уже о цветных английских колониях.

Россия и Япония являются сегодня единственными в мире активными государствами. Благодаря

им Азия стала решающим элементом мировых процессов. Белые государства действуют под ее давлением и даже не замечают этого.

Древние феллахские народы — индийцы и китайцы — никогда не смогут снова сыграть самостоятельную роль в мире великих держав. Они могут менять господ, одних изгонять — как, например, англичан из Индии, чтобы быть побежденными другими, но они никогда больше не смогут создать собственную внутреннюю форму политического бытия. Для этого они слишком стары, неподвижны, изработаны. Форма их сегодняшнего сопротивления вместе с целями: свободой, равенством, парламентом, республикой, коммунизмом и т.д., все без исключения импортированы из Западной Европы и Москвы. Они объекты и средства борьбы для чужих государств, их страны — поля битвы за чужие решения, но как раз благодаря этому они могут приобрести огромное, пусть и преходящее, значение.

Но что все же принадлежит к «цветному» миру? Не только Африка, индейцы — наряду с неграми и метисами — во всей Америке, исламские народы, Китай, Индия вплоть до Явы, но, прежде всего, Япония и Россия, снова ставшая азиатской, «монгольской» великой державой. Когда японцы победили Россию, надежда забрезжила над всей Азией: молодое азиатское государство поставило с помощью западных средств крупнейшую власть Запада на колени и тем самым разрушило нимб «неодолимости», овевавший «Европу». Это подействовало, как сигнал, в Индии, Турции, даже в Капской провинции и Сахаре: стало быть, возможно отплатить белым народам за столетние страдания и унижения. С тех пор глубокая хитрость азиатских людей задумалась о средствах, недоступных и превосходящих западноевропейское мышление. И вот Россия, получившая в 1916 г. второе решающее поражение от Запада не без язвительного удовлетворения союзнической Англии, сбросила «белую» маску и стала снова азиатской, всей душой и с горячей ненавистью к Европе. Она усвоила опыт внутренней слабости последней и на этом построила новые тайные методы борьбы, с помощью которых оно охватило все цветное население Земли мыслью об общем сопротивлении. Это является, наряду с победой рабочего социализма над обществом белых народов, вторым реальным следствием мировой войны... Эта война была поражением белых рас, а мир 1918 г. был первым большим триумфом цветного мира: это символ того, что в Женевской «Лиге наций», являющейся не чем иным, как жалким символом постыдных дел, он может сегодня участвовать в обсуждении спорных вопросов между белыми государствами.

Европейской цивилизации этого столетия угрожают не одна, а две мировые революции большого масштаба. Они обе еще не познаны в их действительном объеме, глубине и влиянии. Одна идет снизу, другая извне — это классовая борьба и расовая борьба. Одна в значительной мере уже позади нас, даже если ее решающие удары — например, в англо-американской зоне, вероятно, еще впереди. Другая, очень решительно, началась только в годы

мировой войны и очень быстро приобрела четкие очертания и направление. В последующие десятилетия обе будут бороться, одна рядом с другой, возможно, как союзники: это будет самый тяжелый кризис, через который должны пройти белые народы — в единстве или нет, но сообща, — если они еще хотят иметь будущее.

«Революция извне» также поднялась как революция против любой из прошлых культур. Она постоянно исходила из скрежещущей зубами ненависти, которую вызывало непостижимое превосходство группы культурных наций, основывавшееся на созревших до высот политических, военных, хозяйственных и духовных формах и средствах, у безнадежно побежденных, «дикарей», или «варваров», бесправно угнетаемых. У такого колониального стиля есть высокая культура. Однако подобная ненависть не исключает тайное презрение к чужой форме жизни, с которой постепенно знакомятся, насмешливо рассматривают и наконец, отбрасывая, негативно оценить границы ее влияния. Становится ясно, что многое можно позаимствовать, что другое может быть сделано безвредным или не обладает той силой, которая приписывалось ему вначале от сковывающего ужаса... Замечают войны и революции внутри мира этих господствующих народов, посредством принудительного использования посвящаются в тайны вооружения..., хозяйства и дипломатии. Наконец, сомневаются в действительном превосходстве чужаков и как только чувствуют, что их решимость править ослабевает, начинают задумываться о возможном нападении и победе.

Ничего не изменится, если Москва, как отдающая приказы, должна будет умолкнуть. Она сделала свое дело. Дело дальше движется само. Мы вели перед глазами цветных наши войны и классовые бои, унижали друг друга и предавали. Мы потребовали от цветных участия в этом. Будет ли это чудом, если они, наконец, сделают это для себя?

Здесь грядущая история поднимается высоко над хозяйственной необходимостью и внутрисполитическими идеалами. Здесь элементарные силы жизни вступают в борьбу ради всего или ничего. Пра-форма цезаризма очень скоро будет определенной, осознанной, более явной. Маски из эпохи парламентских промежуточных состояний полностью спадут. Все попытки определять будущее внутри партий будут быстро позабыты. Фашистские воплощения этих десятилетий перейдут в новые, непредвиденные формы, а национализм в сегодняшнем виде тоже исчезнет. Повсюду, не только в Германии, в качестве формообразующей силы останется только воинственный, «пруссский» дух. Судьба, однажды сгустившаяся в значительных формах и больших традициях, будет делать историю в образе власти отдельных людей, не имеющей формы. Легионы Цезарей снова пробуждаются.

Здесь, вероятно уже в этом столетии, последние решения ожидают своего человека. Перед этими решениями мелкие цели и понятия сегодняшней политики превращаются в ничто. Чей меч здесь добудет победу, тот будет господином мира. Здесь лежат игральные кости ужасающей игры. Кто отважится бросить их?»